

Глава 5

Воздух в помещении был густым и древним, пропитанным стойким запахом типографской краски. Высокие, до самого потолка, стеллажи уходили вдаль, и их бесчисленные полки, сплошь заставленные книгами, издали напоминали плотно застроенные пчелиные соты.

Все вошедшие были людьми книжными, однако суммарное количество томов в их домашних библиотеках не составило бы и малой толики того, что хранилось здесь. Если единственный молодой господин способен предоставить столь необъятное собрание сочинений, то какими же должны быть книгохранилища великих кланов, тех же «Пяти Фамилий и Семи Родов»?

При этой мысли лица некоторых помрачнели. Ещё недавно они гордились своими знаниями, но теперь им казалось, будто всё ими изученное — лишь капля воды из ручья в сравнении с безбрежным океаном мудрости, в котором с пелёнок купались отпрыски знатных родов. Неужели «Чистое учение» право, утверждая, что благородные и простолюдины разнятся от рождения, что сама природа воздвигла между ними непреодолимую стену?

Лишь Ю Ло, не унывая, с горящими глазами осматривался по сторонам. Громко выразив своё восхищение, он с любопытством принялся всё трогать и разглядывать, пока не выхватил с полки случайную книгу. На обложке крупными иероглифами было выведено: «Компендиум лекарственных веществ».

— Это ещё что такое? — Он небрежно пролистал страницы. — Травник? Скукота.

Юноша уже собирался поставить книгу на место, но его слова привлекли внимание Гао Жуна. Тот взял «Компендиум», перевернул несколько страниц, и в его глазах вспыхнул живой огонь.

— Среди всех медицинских трактатов, что я видел, — с внезапным волнением в голосе произнёс он, поджав бледные губы, — ни один не сравнится с этим.

В другом конце комнаты Шань Бовэнь, держа в руках иную книгу, тоже сиял от восторга.

— Господин Шэнь оказал нам поистине невероятную честь!

Шэнь Цинхэ, возвращаясь домой, зевал не переставая. Усталость была такой сокрушительной, что, казалось, он вот-вот выплюнет собственные лёгкие. Тело его прежнего владельца, истощённое бесконечными пирами и возлияниями, оказалось на редкость хилым: одна бессонная ночь — и оно уже едва держалось на ногах.

Не успел он сделать и нескольких шагов по заднему двору, как ему преградили дорогу.

— Ты ещё кто? — спросил Шэнь Цинхэ, смаргивая выступившие от зевоты слёзы.

— Это Третий господин, — шёпотом подсказал Люйсун.

Шэнь Цинхэ мысленно обратился к составленной за ночь схеме персонажей. «Третьим господином» в поместье мог быть только Шэнь Цинчунь, пятнадцатилетний сын нынешней хозяйки, госпожи Цинь, а значит — его единокровный младший брат по отцу. Согласно данным «Системы», это был юноша чистый сердцем, любознательный и прилежный, настоящее сокровище для Шэнь Чжао и госпожи Цинь.

Шэнь Цинчунь, чью голову венчала алая шапочка из тончайшего шёлка с мелодично позвякивающими подвесками, выглядел упитанным и холёным. Его пухлые, ещё по-детски округлые щёки не оставляли сомнений в том, что рос он в неге и заботе.

— Я и не знал, что старший брат теперь и днём предаётся утехам, — смерив его взглядом, процедил юноша. — Если отец узнает, он снова будет недоволен.

«Что-то не вижу я здесь чистоты помыслов», — хмыкнул про себя Шэнь Цинхэ.

Спорить с мальчишкой не было ни сил, ни желания. Единственное, чего он жаждал, — это сон. Обогнув брата, он направился дальше.

— Постой! — Шэнь Цинчунь схватил его за рукав.

— Чего тебе? Влюбился, что ли?

— Ты!.. Бесстыдник! — вспыхнул тот, и его бело-розовое лицо залилось краской. — Если бы Его Величество и впрямь ценил тебя, он не лишил бы тебя должности!

Так вот оно что.

— Хочешь служить — служи, я тебе не мешаю, — бросил Шэнь Цинхэ.

— И Его Величество, и отец хвалят меня, один ты вечно выделяешься. Что это значит? Ты решил послушаться императорского указа или проявить непочтительность к отцу?

Два столь серьёзных обвинения Шэнь Цинчунь, разумеется, принять не мог. Он едва не заскрипел зубами от злости.

— Тебя помиловали лишь из уважения к заслугам деда и верной службе нашей семьи! А ты, вместо благодарности, погряз в роскоши и распутстве, позоря имя Шэнь!

Шэнь Цинхэ обернулся. Его тёмные глаза, похожие на два обсидиановых шарика, чётко отразили фигуру младшего брата. Внезапная серьёзность во взгляде так напугала Шэнь Цинчуна, что тот невольно разжал пальцы.

— Милый братец, ты когда-нибудь слышал выражение «поставить всё на одну карту»? На стезе беспутного повесы я, может, и не достиг вершин мастерства, но определённых успехов добился. Да, я веду праздный образ жизни и позорю твою семью Шэнь, но делаю это открыто и честно. А вот ты мечешься меж двух огней: для благородного мужа тебе не хватает прямооты, а для подлеца — смелости. Вот и остаётся тебе лишь одно — вымещать свою злость на слабом и беззащитном старшем брате, рядясь в тогу лицемерной добродетели.

Шэнь Цинчунь, привыкший к лести и обожанию, никогда в жизни не слышал таких резких слов.

Шэнь Цинхэ, скрестив руки на груди, наблюдал, как задиравший его юнец вот-вот готов был расплакаться.

— Ты!.. Как ты смеешь так говорить обо мне!

— Сегодня я, твой старший брат, не стану с тобой считаться. Но знай: за такие слова на улице и побить могут, — Шэнь Цинхэ покровительственно потрепал его по макушке, изобразив на лице приторно-нежную улыбку. — Ну-ну, беги скорее к матушке, плачься ей в жилетку.

— Шэнь Цинхэ, — раздался за спиной низкий, строгий голос.

К ним неспешно приближался Шэнь Цинфэн. Его брови были осуждающе сдвинуты.

— Непозволительно говорить вздор и обижать младшего брата.

«Я сейчас умру от усталости, а эти двое разыгрывают передо мной спектакль», — с тоской подумал Шэнь Цинхэ.

Он опустил взгляд, и привычная лёгкая улыбка сошла с его губ. Бросив на старшего брата холодный, отстранённый взгляд, он произнёс:

— Старший брат, неужели ты не видишь, кто кого здесь обижает? Один — отпетый повеса, другой — лицемер, а третий подслушивает под дверь. Воистину, славное у нас семейство, вырастившее целый выводок змеёнышей.

[Система: Ка-какая чудовищная агрессия!]

— Это не агрессия, а праведный гнев, — отозвался Шэнь Цинхэ. — Смерть всякому, кто посягнёт на мой отдых.

Наконец добравшись до своих покоев, он, не говоря ни слова, рухнул на кровать и проспал до полудня, проснувшись в прекрасном расположении духа.

— Всё-таки перемещение во времени — это прекрасно, — рассуждал он. — В прошлой жизни я в пять утра уже ехал в лабораторию, в одиночку разбирался со всеми закупками и отчётами, в полночь возвращался в общежитие и перед сном прочитывал десяток научных статей. Все мои каникулы уходили на проекты научного руководителя, чтобы хоть что-то заработать. Теперь моя душевная травма от этого рабства наконец-то начала заживать.

[Система: Если вам так скучно, почему бы не заняться основным заданием?]

— Система, я смотрю, ты совсем не считаешь себя посторонней. Требования у тебя появляются с завидной регулярностью! Я хотя бы студентов обещаниями кормлю, а ты требуешь, чтобы лошадь и скакала быстро, и сена не ела.

[Система: Это моя ошибка.] — надолго замолчала она.

— ...Так они всё-таки есть? — оживился Шэнь Цинхэ. — А я-то думал, ты точь-в-точь мой научрук: ни грантов, ни связей, одни только требования.

[Система: Звучит так, будто вы его ненавидите.]

— Вовсе нет, я им восхищаюсь. Мечтаю стать таким же, как он: ворочать огромными исследовательскими бюджетами и иметь под рукой кучу аспирантов, готовых работать за идею, — мечтательно вздохнул Шэнь Цинхэ.

«...»

Система явила ему свою панель. По экрану пробежала голубая рябь, и выражение лица Шэнь Цинхэ за долю секунды сменилось с предвкушающего на совершенно безразличное.

— Хм... Могу я поинтересоваться, почему этот интерфейс... так похож на научную библиотеку?

— Видите ли, я обнаружила, что Носителю наиболее привычен именно этот дизайн, поэтому и выбрала соответствующую тему, — с гордостью заявила Система.

Она провела пальцем по экрану, открывая раздел, напоминающий интернет-магазин. Сто очков, выданных новичку, пополнились ещё сотней за выполнение первого задания. Теперь в его распоряжении было двести очков, которые можно было потратить на несколько доступных предметов. Впрочем, большинство иконок в магазине оставались неактивными, окрашенными в серый цвет.

[Система: В данный момент для обмена доступны: печенье «Ван-цзай», «Вода счастья», печенье «Орео»... и роскошный маленький диван. Вот и всё.]

— И это всё? Так твой магазин — обычная бакалейная лавка?

[Система: Ну... Понимаете, у нас есть внутренние правила. Мы не можем предоставлять технологии, опережающие развитие мира. Светлое будущее нужно строить своими руками!]

«...»

— А это что? — Шэнь Цинхэ указал на единственный выделяющийся значок — мультяшного человечка, обхватившего колени руками.

[Система: Это я! — радостно воскликнула она. — Всего за десять очков в день вы можете заказать услугу «офлайн-сопровождения». Я приму человеческий облик и буду рядом с вами!]

— Мне всегда было любопытно, — задумчиво произнёс Шэнь Цинхэ, — неужели у вас, систем, нет никакой системы оценок, никакой конкуренции? С таким-то уровнем деловой хватки ты, должно быть, всегда последняя в рейтинге при распределении премий... Или тебе они вообще не достаются?

[Система: ...Замолчите, пожалуйста! Я... я не хочу отвечать!]

По первоначальному замыслу Системы, Шэнь Цинхэ должен был лишиться всех званий, отправиться в ссылку и, используя её обширную библиотеку, постепенно пробивать себе путь к вершинам власти, становясь в итоге маркизом и первым министром.

План был безупречен. Вот только тщательно подобранный ею карьерист, хоть и оказался невероятно способным, был при этом до неприличия ленив. Он уже целый месяц безвылазно сидел дома!

Если так пойдёт и дальше, она и за это задание не получит хорошей оценки!

Услышав шум в комнате, Люйсун и Наньхун вошли, неся таз с водой и полотенца.

— Господин, вы вчера не ужинали, должно быть, ужасно проголодались, — заметил Люйсун.

— Я обещал сводить вас сегодня в «Башню Чжуаньюаня», — донёсся глухой голос Шэнь Цинхэ, уткнувшегося лицом в таз с водой. — Пойдёмте есть свиную рульку.

Лица слуг расцвели улыбками. «Башня Чжуаньюаня» была одним из самых знаменитых ресторанов столицы, и лишь благодаря службе у молодого господина им время от времени удавалось там бывать.

— Господин, вы так сильны. За последние дни вы словно стали другим человеком, —

проговорил Наньхун, ловко собирая волосы Шэнь Цинхэ у зеркала. Он улыбнулся, и его пальцы заскользили по тёмным прядям. Часть волос он собрал в пучок, а часть оставил распущенной, закрепив причёску двумя простыми нефритовыми шпильками. В Великой Юн ценилась непринуждённая элегантность, и это был самый модный на тот момент стиль. Наньхун, с его тонким вкусом и умелыми руками, справился с задачей безупречно.

Хотя он и не знал, увенчается ли успехом затея с академией, но по сравнению с прежними развлечениями господина — попойками и кутежами — вложение денег в учебное заведение уже было шагом на верный путь.

— Да-да, раньше господин даже отказывался убирать волосы и обуваться, говорил, что подражает утончённой небрежности знаменитых учёных мужей, а по мне, так больше походил на уличного бродягу... — Наньхун метнул в Люйсуну предостерегающий взгляд, и тот поспешно умолк, а затем добавил: — Впрочем, господин так красив, что ему достаточно просто прилично одеться и причесаться, чтобы выглядеть великолепно. Даже те, кто ежедневно пудрится и румянится, не сравнятся с ним и на малую толику!

— Где ты только нахватался такой лести, — со смехом отмахнулся Шэнь Цинхэ и посмотрел на своё отражение. Кожа, словно полированный нефрит, глаза — яркие, как звёзды. В зеркале сидел изящный и красивый юноша, полный энергии, ещё не измученной бессонными ночами и дедлайнами.

Эх, молодость — прекрасная пора.

<http://bllate.org/book/13438/1196499>